

УДК 93/94; 314.72

**РЕЭВАКУАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ СССР В 1943–1947 гг.:
СОЦИАЛЬНЫЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ****THE USSR POPULATION REEVACUATION IN 1943–1947:
SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL ASPECTS****М.Н. Потемкина
M.N. Potemkina***Магнитогорский государственный технический университет,
Россия, 45500, г. Магнитогорск, пр-т Ленина, 38**Nosov Magnitogorsk State Technical University,
38 Lenin av., Magnitogorsk city, Chelyabinsk Region, 455000, Russia**e-mail: mpotemkina@mail.ru*

Аннотация. В данной статье рассматривается процесс реэвакуации населения СССР в 1943–1947 гг., анализируются социальные и психологические проблемы, возникавшие в процессе перемещения беженцев к местам прежнего места жительства. В качестве источниковой базы исследования привлечены документы центральных и региональных архивов, воспоминания людей, переживших беженство и вернувшихся на прежние места жительства. Методология исследования базируется на концепциях и методах нескольких современных направлений исторической науки: военной истории, социальной истории, исторической психологии. Сделан вывод о том, что в реэвакуационном процессе сочетались организованные и стихийные потоки. Власть оказывала помощь в возвращении людей, но и вводила ограничения на реэвакуацию отдельных категорий эвакуированных. Абсолютное большинство эвакуированных вернулись обратно. Выявлены материальные проблемы и психологические трудности, с которыми столкнулись реэвакуанты по возвращении в освобождённые районы и столичные города. Зачастую реэвакуанты не могли вернуть своё жильё и имущество, а также сталкивались с негативным восприятием местного населения.

Resume. The article is devoted to studying the process of soviet people reevacuation in 1943–1947. The author analyses social and psychological problems occurred when refugees were moving back to their prior residences. The study is based on a large amount of central and regional archive materials and memoirs. The research methodology concludes concepts and methods of several lines of modern historical science: military history, social history and historical psychology. The author concludes that there were both organized and spontaneous streams of refugees. The authorities assisted in bringing people back but also imposed restrictions on the separate category of the evacuated. The absolute majority of the evacuated returned home. The research identified that the reevacuated people faced financial and psychological difficulties upon their return to liberated areas. Very often they could hardly return their family's property and faced challenges connected with negative perception of local people.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуация, реэвакуация населения, освобождённые районы, восприятие реэвакуантов.

Key words: The Great Patriotic War, evacuation, reevacuation, liberated areas, perception of the reevacuated.

Меняется мир, но не прекращаются вооружённые конфликты и стихийные бедствия в различных точках земного шара. Потоки беженцев и эвакуированных за последние полвека не сократились, а даже возросли. В связи с этим вопросы оптимизации эвакуационных механизмов и преодоления трудностей адаптации беженцев к новым условиям проживания остаются одними из наиболее актуальных.

Целью данного исследования является изучение исторического опыта возвращения беженцев Великой отечественной войны к местам прежнего жительства: проблемы, возникавшие в процессе реэвакуации и пути их решения.

В научных исследованиях, посвящённых миграционным процессам периода Великой Отечественной войны и первым послевоенным годам, основное внимание уделено механизму эвакуационных перевозок и материально-бытовым трудностям, с которыми столкнулись беженцы на новых местах проживания¹. Акценты в публикациях зарубежных исследователей также смещены в сторону изучения эвакуационных процессов². Тема реэвакуации впервые была поднята автором в своих публикациях, где основное внимание было обращено на механизм возвращения людей, ре-

¹ См. например, Куманев Г.А. Война и эвакуация в СССР. 1941 - 1942 годы //Новая и новейшая история. № 6. 2006. С. 7-27.

² Manley R. (2004) The Evacuation and Survival of Soviet Civilians, 1941–1946, PhD dissertation (Berkeley, University of California); Feferman, Kiril (2009) 'A Soviet Humanitarian Action?: Centre, Periphery and the Evacuation of Refugees to the North Caucasus, 1941-1942', *Europe-Asia Studies*, 61:5, 813 – 831.

эвакуационные потоки, последствия реэвакуации для тыловых регионов страны¹. Организация реэвакуационного процесса со стороны государства и его численная динамика неплохо представлены в публикациях регионального характера². Но социальные, этнические и психологические аспекты реэвакуации продолжают оставаться вне поля зрения исследователей.

В качестве источниковой базы исследования привлечены документы центральных и региональных архивов, воспоминания людей, переживших беженство и вернувшихся на прежние места жительства.

Тема исследования находится в русле междисциплинарных исследований, реализуемых через концепции военной истории, социальной истории, исторической психологии. Применение социокультурного подхода дает возможность выявить стратегию и мотивацию индивидуального и коллективного поведения людей. Теоретические идеи истории повседневности позволили представить реэвакуационные процессы через призму жизненного опыта людей.

При всём разнообразии исследовательских подходов существуют некие общие исследовательские принципы, такие как системность, объективность, историзм, которым мы следовали в нашей работе. Данное исследование основано на сочетании общенаучных методов: анализа и синтеза, индукции и дедукции, а также общеисторических методов, к которым относятся, прежде всего, историко-сравнительный метод, историко-системный метод, историко-генетический метод. Методы устной истории, разработанные исследователями П. Томсоном, Р. Грили, М. Фримэном, позволили выявить новое исследовательское поле взаимоотношений эвакуированных и коренных жителей различных регионов СССР. Использование метода психологического анализа, позволило проследить психологию социальной группы реэвакуантов через выявление причин, побуждавших отдельную личность к тем или иным поступкам.

Ввиду неоднозначности трактовки термина «реэвакуация», определим, что реэвакуация – это все способы возвращения эвакуированных на прежние места жительства. Абсолютное большинство эвакуированных стремились вернуться на места прежнего места жительства, рассматривая своё пребывание в тыловых районах как временное и ощущая себя «чужаками». Анализ эго-источников позволяет выделить следующие причины этого явления: оставленное жильё и имущество, тяжёлые материально-бытовые условия обитания в эвакуации, стремление воссоединиться с родными и близкими, ностальгия по «малой родине». Совершенно очевидно, что это была тоска даже не по месту, а по прошлым отношениям и впечатлениям, «встроенным» в контекст места. Место прежнего проживания ассоциировалось со стабильностью, мирным временем. Людям казалось, что если они вернуться в то место, вернётся и тот прежний мир. Видимо, поэтому вернуться на прежнее место жительства стремились даже те, кто знал о том, что родственники погибли, а дом разрушен.

По мере наступления Красной Армии и освобождения городов и сёл среди эвакуированных усиливались т. н. «чемоданные настроения». Ежедневно, с замиранием сердца люди слушали сводки Совинформбюро и следили по карте за продвижением линии фронта, ожидая информации об освобождении родного населённого пункта. Вот как описывал в своих воспоминаниях освобождение родного Киева академик Е. О. Патон, находящийся в эвакуации на далёком Урале: «Трудно передать, что в этот день творилось в институте и на заводе. Два года ждали мы этой великой минуты, два года читали в московских и украинских газетах о муках и страданиях родного города, два года верили в то, что для фашистов придет час расплаты... В последние дни перед взятием Киева во всех квартирах радио не выключалось, всюду шли споры о дате освобождения города»³.

Первые попытки реэвакуации отдельных граждан датированы в архивных документах концом декабря 1941 г. и связаны с успешным контрнаступлением Красной Армии под Москвой. Но уже весной – летом 1942 г. реэвакуация была приостановлена в связи с рядом поражений Красной Армии и новой волной эвакуации. Государство возобновило плановую реэвакуацию летом 1943 г. обозначив её основные параметры в постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобождённых от немецкой оккупации» (21 августа 1943 г.). По данным Переселенческого Управления при СНК РСФСР за 1943 г. было реэвакуировано около 1 млн. человек, за 1944 г. – более 2 млн. человек, за 1945 г. – более 1 млн. 200 тыс. человек, за 1946 г. – 441 729 человек, за 1947 г. – 131 781 человек⁴. Пик массовой реэвакуации населения пришелся на 1944–1945 гг.; основные перемещения происходили в летний период, зимой из-за холодов реэвакуация приостанавливалась. Можно предположить, что реальные цифры

¹ Потемкина М.Н. Эвакуационно-реэвакуационные процессы и эвакуационное население на Урале в 1941–1948 гг.: Автореферат. ... докт. ист. наук Екатеринбург. 2004.; она же, «Выковыренные»: личностное восприятие эвакуации в годы Великой Отечественной войны. Магнитогорск, 2016.

² Снегирёва Л.И., Сафонова Т.А. Реэвакуация гражданского населения из Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1942–1945 годы) // Вестник ТГПУ. 2004. Выпуск 4 (41). Серия: Гуманитарные науки (История, археология). С.22–30; Борзихина И.В. Об исследовании проблемы реэвакуации населения в годы Великой Отечественной войны. //Обозник. История тыла российской армии. Информационно-аналитический портал. URL: <http://www.oboznik.ru/?p=43577>.

³ Патон Е.О. Воспоминания. Киев, 1955. С. 295–296.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 327. Оп. 1. Д. 1. Л. 13; Д. 10. Л. 17; Д. 19. Л. 81.

реэвакуационной миграции были гораздо выше, поскольку стихийные перемещения беженцев далеко не всегда фиксировались в статистических отчётах.

Возвращение людей на прежнее местожительство продолжалось ещё несколько лет. По крайней мере, категория «эвакуированные» и статистические данные по их перемещениям продолжали фигурировать в официальных документах практически до конца 1947 г.

Власти пытались максимально контролировать миграционные процессы. На миграционную политику властей влияли факторы как объективного, так и субъективного свойства: пропускная способность транспортных магистралей, состояние социальной инфраструктуры районов, бывших зоной военных действий или под оккупацией неприятеля, степень обеспеченности рабочей силой промышленных предприятий, расположенных в восточных регионах страны.

Для реализации такой политики использовались административные и экономические меры. Многочисленные законодательные ограничения вводились на въезд либо отдельных категорий эвакуированных, либо в некоторые города или области. Такими категориями стали, прежде всего, работники промышленных предприятий оборонного значения. Эти ограничения объяснялись необходимостью бесперебойного снабжения фронта военной продукцией, чего можно было достичь лишь безостановочной работой заводов, а также соображениями внутригосударственной безопасности. Территориальные ограничения касались Москвы и Ленинграда, а также, в связи с большим разрушением жилого фонда, таких городов, как Киев и Харьков. По данным на октябрь 1945 г., на территории освобождённых от вражеской оккупации районов из 77 вокзалов было разрушено 58¹.

В соответствии с постановлениями ГКО от 10 января 1942 г., возвращение в Москву могло производиться только по решению ГКО; количество ввозимых рабочих должно было предварительно согласовываться с Московским горкомом ВКП(б); въезд рабочим разрешен без семей; за семьями сохранялась занимаемая ими жилплощадь по месту эвакуации; въезд в город разрешался только при наличии специальных пропусков, выдаваемых республиканскими (краевыми, областными) органами милиции².

В качестве способа контроля над миграционными потоками власть пыталась использовать и партийную дисциплину. Для того чтобы уехать, члены партии должны были получить разрешение обкома партии. На практике предписания о снятии с партийного учета выполнялись далеко не всегда. Учетные документы на коммунистов становились иногда объектом интриг между руководителями разных областей и ведомств в борьбе за высококвалифицированных специалистов.

Документированным основанием для официальной реэвакуации служили постановления ГКО, распоряжения СНК СССР, вызов какого-либо наркомата (министерства), а также (иногда и не для всех) вызов родственников. Местные власти (а занимались этим в основном исполкомы советов), получив соответствующие документы, составляли списки людей, подлежащих реэвакуации. В этих списках, как правило, указывались: фамилия, имя и отчество, отношение к главе семьи, год рождения, национальность, станция назначения, наличие имущества, домашних животных и птиц. Исходя из собранных сведений выделялось необходимое количество вагонов для перевозки людей и денежные средства, необходимые для обеспечения продовольственного, санитарно-медицинского и т.п. обслуживания пассажиров в пути следования. Правительство СССР давало необходимые распоряжения наркоматам (министерствам) торговли, здравоохранения, путей сообщения, финансов и т. д. Поскольку в условиях военного времени на железнодорожном транспорте была введена пропускная система, люди, подлежащие реэвакуации, по увольнении с работы получали пропуски на выезд в городских или районных отделах милиции. После отмены пропускного режима летом 1946 г. поток пассажиров возрос по сравнению с 1945 годом почти в два раза и превысил уровень 1941 г. Перевозки другими видами транспорта, хотя и осуществлялись, но, учитывая огромные российские расстояния и плохое качество дорог, не носили масштабного характера

Финансирование реэвакуационных перевозок осуществлялось, в основном, за счёт государства. Причинами такой ситуации были и военная обстановка, и сформировавшийся в нашей стране еще в 1930-е годы тип политического режима, и крайне низкий уровень благосостояния основной массы населения. Вот как оценивала свой багаж накануне отъезда из эвакуации Л. С. Суркова: «Сарафан, сшитый в Кзыл-Орде, погиб в учхозе. Когда я попыталась в нем искупаться после молотбы, низ отделился и уплыл. Белое платье разлезлось. Остались пальто, лыжный костюм и синее крепдешиновое платье. Накануне отъезда, выходя из кино, я зацепилась за гвоздь и разорвала платье наискось. Были еще стеганые сапоги с галошами, две пары длинных чулок в резинку, коробок спичек, две дыни, арбуз и тридцать рублей»³. Чтобы посадить людей аналогичного уровня достатка на поезд, начальники эвакуационных пунктов использовали государственные средства, выделяемые на материальную помощь эвакуированным, составляли акты для безбилетного проезда пассажиров или использовали другие способы.

Собираясь в дорогу, люди заранее пытались коптить какие-то продуктовые запасы и достать что-нибудь для последующей выгодной перепродажи, например, соль или спирт. Все, кто ехал из Средней Азии собирали соль на солёных озёрах или во время стоянок поездов на берегу Аральско-

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 604. Л. 93–97.

² Горин М.М. и др. Москва военная. 1941–1945: Мемуары и архивные документы. М., 1995. С.381.

³ Суркова Л.С. Жизнь советского обывателя, описанная им самим. 31.05.2005 г. // Архив Центра и Фонда «Холокост».

го моря (несмотря на официальные запреты). «До нас доходили слухи, что в освобожденных районах нет соли. Алексей съездил в пески на соленые озера и привез нам пуд соли, которую мама разложила в три мешка»¹. Свои вещи в дороге необходимо было тщательно оберегать от потери или воровства.

Поскольку число желающих уехать превышало возможности подвижного состава железных дорог, возникали затруднения в приобретении билетов, имелись случаи спекуляции билетами и взяточничества. За пять месяцев 1946 г. военным трибуналом ЮУЖД за взятки были привлечены к судебной ответственности 9 проводников вагонов². По законам того времени за взятку в 100 руб. человек мог быть осужден на 3–5 лет лагерей. Напомним, что железнодорожный и водный транспорт с 1943 по май 1948 гг. находились на военном положении.

В связи с масштабными миграционными потоками на железнодорожных станциях происходило скопление людей, что провоцировало рост заболеваемости и создавало угрозу эпидемий. Недостаток продовольственных ресурсов вызывал неполное отговаривание рейсовых карточек. Пассажирские поезда отправлялись чересчур перегруженными, люди ехали на крышах и подножках вагонов, что при движении поезда приводило к травмированию и гибели пассажиров. Руководство Наркомата путей сообщения, пытаясь снизить остроту проблемы, периодически издавало приказы о временном ограничении отправки людей.

И всё же, анализируя воспоминания беженцев военной поры, можно отметить улучшение медико-санитарного обслуживания и обеспечения продовольствием реэвакуантов в пути по сравнению с эвакуационными перевозками 1941 г. Самуил Минькин, вспоминая бесконечные вокзалы и пересадки из поезда в поезд по дороге из эвакуации, упоминал о продуктах, полученных на продуктовые талоны. Это, то чёрные сухари, то американская тушёнка, то макароны, а иногда полное горячее питание в столовой: «Нам как семье фронтовика выдали талоны на завтрак и обед в железнодорожной столовой. Наш поезд отправлялся в Мичуринск после обеда. Этот день мы панствовавали – плотно позавтракали и пообедали мясными блюдами, на десерт даже был компот»³.

Чтобы попасть домой, люди преодолевали огромные расстояния, затрачивали на эту дорогу недели, а то и месяцы, испытывали голод, холод, неудобства в пути. Государство не всегда, но всё же обеспечивало реэвакуантов питанием, медицинской помощью и проездными документами. Много зависело от человечности и честности комендантов, начальников эшелонов, эвакуационных пунктов, местных переселенческих управлений. Решающую роль играл фактор межличностной коммуникации: способность объяснить, убедить, разжалобить; широко использовался канал подачи жалоб. Главным аргументом была принадлежность к категории «семья военнослужащего».

Конечно, следует учитывать, что реэвакуация членов семей номенклатурных партийных и государственных работников производилась в более комфортных условиях. Относительно организованно происходило возвращение на малую родину сотрудников, перемещавшихся с предприятиями или учреждениями.

Находясь длительное время вдали от линии фронта и получая информацию только из советских подцензурных источников, люди не представляли масштабов разрушений на тех территориях, которые попали под оккупацию и через которые проходила линия фронта. Газеты, радио и кинематограф преподносили читателю и зрителю картину событий весьма далёкую от реальности. На страницах периодической печати в постоянной рубрике «По родной стране» помещались материалы, повествующие о быстром и успешном восстановлении разоренных фашистами районов. Известная актриса Лидия Смирнова в своих воспоминаниях пишет о послевоенных годах: «Мы были в Донбассе, когда война разрушила шахты (это почему-то нельзя было показывать на экране) – ни деревьев, ни кустика, только бесконечные терриконы»⁴. Из освобожденных от немецкой оккупации областей и республик в города и сёла тыловых областей приезжали уполномоченные. Поскольку их целью было привлечение на восстановительные работы квалифицированной рабочей силы, то их беседы преследовали агитационные цели, информация о масштабах разрушений в европейской части СССР замалчивалась. Что касается писем от оставшихся в живых родственников и знакомых, находящихся на освобождённой территории, то они почти не содержали негативной информации, так как проверялись военной цензурой. У людей, находившихся в эвакуации, всё это, на наш взгляд, порождало иллюзии о том, что по возвращении «домой» их ждут лучшие условия жизни.

Поэтому прибытие людей на места прежнего жительства сопровождалось нервным стрессом. Например, С. Минькин так описывает свои впечатления от вида железнодорожной станции Воронеж весной 1944 г.: «Утро было солнечное. Я вышел из здания вокзала, и меня охватил ужас: вокруг стояли многоэтажные коробки с черными глазницами окон, нигде в округе не было видно ни одного целого дома. От одноэтажных деревянных построек остались только печи с обвалившимися трубами. Уходящие вдаль улицы были все в развалинах...»⁵.

¹ Минькин С. Война (1941-1945гг.). Историческая повесть // Архив Центра и Фонда «Холокост». С.40.

² Объединенный государственный архив Челябинской области (далее ОГАЧО). ПФ. 288. Оп. 10. Д. 289. Л. 75.

³ Минькин С. Война (1941-1945гг.). Историческая повесть... С. 40.

⁴ Смирнова Л. Моя любовь. М., 1997. С. 142, 148.

⁵ Минькин С. Война (1941-1945гг.). Историческая повесть... С. 45.

Торопясь вернуться домой, люди иногда прибывали в только что освобождённые населённые пункты. Случалось, что линия фронта отодвинулась всего на несколько десятков километров, были слышны звуки артиллерийской канонады, необходимо было спастись от бомбёжек.

Особенно тяжело было возвращаться домой лицам еврейской национальности. Ведь большинство евреев приезжали фактически на кладбища и не находили в живых никого из родственников. Кроме того, послевоенные годы на Украине и в Белоруссии характеризовались всплеском антисемитизма. О царивших среди евреев настроениях вспоминают очевидцы-реэвакуанты: «Одни люди приезжали, другие – уезжали. В основном это были евреи, которые остались в живых и возвращались из эвакуации в свои городки и местечки. Там мы постоянно слышали рассказы о трагедии, постигшей еврейский народ, узнали, как немцами и полицией проводились массовые расстрелы на оккупированной территории, как русская жена спасла своего мужа-еврея и своих детей. Или наоборот, как жена пошла и сдала своего мужа, чтобы спасти детей, а потом немцы расстреляли и мужа и детей её, и она сошла с ума...»¹.

Следует назвать ещё один стрессогенный фактор, ожидавший реэвакуантов. Местные жители, пережившие здесь блокаду или оккупацию встречали реэвакуантов крайне недоброжелательно, считая их «сбежавшими от войны», «отсидевшимися в тылу» и т.д.. В Ленинграде оставшиеся в живых блокадники были настроены «против возвращающихся эвакуированных (вне зависимости от причин эвакуации), и огульно, во всех случаях, поддерживали переживших блокаду, вне зависимости от их морального статуса...»².

Главной материальной проблемой по прибытии домой оказывалась жилищная. Если жильё в силу каких-то обстоятельств оказывалось занятым, то дальнейший ход событий зависел от многих обстоятельств: иногда в результате переговоров приходили к какому-то компромиссному решению, иногда судились, пытаясь восстановить свои права на жилплощадь законным порядком, иногда применяли грубую физическую силу для выселения незаконных жильцов. Анатолий Брискер вспоминал: «при реэвакуации мы предполагали вернуть по суду нашу комнату на Невском пр., но этого не случилось – суд мы не выиграли, и нам даже не были возвращены или компенсированы расхищенные вещи, оставленные в квартире при эвакуации»³. Причины проигранного суда автор видел, как в жилищных махинациях местных чиновников, так и в негативном общественном мнении ленинградцев по отношению к вернувшимся из эвакуации.

Чтобы придать потере прав на жильё реэвакуантами видимость законности, власти ссылались на постановление СНК СССР «Об освобождении жилой площади местных советов и предприятий, занимавшейся ранее рабочими и служащими, эвакуированными на восток» (16 февраля 1942 г.). Изъятые жильё поступало в распоряжение местных советов. Оставшееся в квартирах имущество могло быть передано оставшимся в городе родственникам, знакомым; или поступало в продажу в комиссионные магазины; или доставлено хозяевам по месту нового жительства. Постановление не распространялось на частный жилой сектор⁴. В нём, в частности, содержался пункт о необходимости регулярного внесения квартплаты, как условия сохранения права на жилплощадь. Это касалось, прежде всего, столичных городов Москвы и Ленинграда. Большинство эвакуированных не знали об этом документе, не имели средств для покрытия таких расходов, не имели физической возможности произвести такую оплату, проживая в маленьких деревеньках, находящихся за тысячи километров от прежнего местожительства.

Поиски оставленного имущества в большинстве случаев не увенчивались успехом. Квартиры обворовывались мародёрами, соседями или управдомом. Иногда, оставшиеся в доме соседи, чтобы не замёрзнуть и выжить, сжигали книги и мебель уехавших вместо дров,. Часто имущество пропадало под бомбёжками или уничтожалось оккупантами.

Подводя итоги, необходимо отметить, что в период 1944–1947 гг. в стране происходили значительные по масштабам миграции населения, одним из миграционных потоков стала реэвакуация населения из восточных регионов в европейскую часть СССР. Абсолютное большинство эвакуированных вернулись обратно. Власть оказывала помощь в возвращении людей, но и вводила ограничения на реэвакуацию отдельных категорий эвакуированных: работников промышленных предприятий оборонного значения, столичных жителей, высококвалифицированных специалистов в некоторых сферах деятельности.

Сравнительный анализ разноплановых источников наводит на мысль о том, что наряду с организованной реэвакуацией существовало неучтённое стихийное перемещение эвакуированных в освобождённые от оккупации районы и столичные города. Возвращаясь в освобождённые районы и столичные города, эвакуанты рассчитывали на улучшение материального положения и моральное успокоение, но в реальности столкнулись с новыми трудностями. Зачастую реэвакуанты

¹ Там же .С.50.

² Брискер А. Из Советского Союза через Россию в Соединенные Штаты (фрагменты жизни). Издание второе, уточненное и дополненное. СПб., 2009. С. 69.

³ Там же.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 137. Л. 68, 70.

не могли вернуть своё жильё и имущество, а также сталкивались с негативным восприятием местного населения.

Библиография

Борзихина И.В. Об исследовании проблемы реэвакуации населения в годы Великой Отечественной войны // Обозник. История тыла российской армии. информационно-аналитический портал. URL: <http://www.oboznik.ru/?p=43577>.

Горинов М.М. и др. Москва военная. 1941–1945: Мемуары и архивные документы. М.: Мосгорархив, 1995.

Куманев Г.А. Война и эвакуация в СССР. 1941 - 1942 годы // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 7-27.

Потемкина М.Н. «Выковыренные»: личностное восприятие эвакуации в годы Великой Отечественной войны. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2016.

Потемкина М.Н. Эвакуационно-реэвакуационные процессы и эвакуанаселение на Урале в 1941-1948 гг.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2004.

Снегирёва Л.И., Сафонова Т.А. Реэвакуация гражданского населения из Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1942–1945годы) // Вестник ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки (История, археология). 2004. Выпуск 4 (41). С.22-30.

Feferman, Kiril (2009) 'A Soviet Humanitarian Action?: Centre, Periphery and the Evacuation of Refugees to the North Caucasus, 1941-1942', *Europe-Asia Studies*, 61:5, 813 — 831.

Manley R. (2004) *The Evacuation and Survival of Soviet Civilians, 1941–1946*, PhD dissertation (Berkeley, University of California).

References

Borzihina I.V. Ob issledovanii problemy rejevakuacii naseleniy v gody Velikoj Otechestvennoj vojny.//Oboznik. Istoriy tyla rossijskoj armii. nformacionno-analiticheskij portal. URL: <http://www.oboznik.ru/?p=43577>.

Gorinov M.M. i dr. Moskva voennaja. 1941–1945: Memuary i arhivnye dokumenty. M.: Mosgorarhiv, 1995.

Kumanev G.A. Vojna i jevakuacia v SSSR. 1941 - 1942 gody.// Novay i novejshey istoriy (The leading Russian scientific journal in the field of Modern and Contemporary history). 2006. № 6. С. 7-27.

Potemkina M.N. «Vykovyrennye»: lichnostnoe vosprijatie jevakuacii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Magnitogorsk: Izd-vo Magnitogorsk.gos. tehn. un-ta im. G.I. Nosova, 2016.

Potemkina M.N. Jevakuacionno-rejevakuacionnye processy i jevakonaselenie na Urале v 1941-1948 gg.: Avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk Ekaterinburg, 2004.

Snegirjova L.I., Safonova T.A. Rejevakuaciy grazhdanskogo naseleniy iz Zapadnoj Sibiri v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1942–1945gody) // Vestnik TGPU. (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). Serija: Gumanitarnye nauki (Istoriy, arheologija). 2004. Vypusk 4 (41). S.22-30;